

И снова бюджет ощущение полёта...

ВСТРЕЧА С МАЭСТРО

Сегодня – третий день посвящённого 1000-летию Ярославля международного фестиваля Юрия Башмета. Роль свадебного генерала – амплу не для его артистического директора. Вчера с ансамблем «Солисты Москвы» он выступал в Мышкине. Не считая репетиций, маэстро уже успел выйти на сцену Собиновского зала как дирижёр и солист. Сегодня его встреча с музыкальной общественностью Ярославля. С Юрием Башметом беседовал наш корреспондент.

– В эти дни, Юрий Абрамович, повсюду много разговоров о богатстве, о перспективах введения налога на роскошь. А о чём вы можете сказать: «Вот – ценная вещь»?

– Да хотя бы о ярославском фестивале. Ценная вещь, когда что-то доброе задумывается, обсуждается, а потом ещё и выполняется. Год назад начинали мы спокойно, негромко, а теперь нам многие завидуют. Если фестиваль открылся, то это ценность для всех нас.

– И прежде всего для зрителей – билеты на концерты фестиваля раскупили чуть ли не за месяц до его открытия.

– Конечно, прежде всего их я и имею в виду.

– Что-то из встреч со зрителями во время ваших предыдущих приездов в Ярославль вам запомнилось?

– Выходит, помню, на сцену с цветами мама с сыном младшего школьного возраста. Одет, как артист, плечи расправлены, спина прямая. Я спрашиваю его: «На чём играешь?» Он с гордостью отвечает: «Я – пианист». Не помню точно, была ли та встреча здесь или в другом городе, но это вполне могло быть и в Ярославле. Или представьте себе: девочка месяц готовилась к моему концерту. Родители специально пригласили для неё мастера-наставника, чтобы научил вышивать. И она подарила мне свою вышивку. Такие подарки дорогого стоят, они лучше всяких слов объясняют, зачем нужны такие фестивали, как ярославский.

– Ваша пресс-конференция проходила как раз в день последнего школьного звонка. И вас в тему попросили вспомнить тот день. Расскажите об этом читателям нашей газеты?

– Мы дружно купили какой-то сладкой водицы, дружно её вылили, налив вместо неё коньяку. И радовались тому, что родители не знают, как мы их красиво обманули...

– А если серьёзно?

– Все мы тогда были влюблены в кого-то, или нам казалось, что влюблены. В те дни наши одноклассники вдруг все

стали красивыми девушками. Помню, то было ощущение полёта. При полной неизвестности, что же будет с нами дальше. Мне ведь тоже было непонятно, куда я пойду, в каком жанре буду играть. У себя во Львове я был поп-звездой, пел под гитару из репертуара «Битлз». Но их время прошло, а всё остальное меня не привлекало. Попробовал играть джаз-рок. Трубы звучали, как медный таз – из такого «мелодичного» металла их изготовили, умения тоже не было. Ясное оказалось с классикой. Я играл на скрипочке, чтобы не расстраивать мамочку. Прилежно ходил в музыкальную школу. Не понимал, останусь ли я во Львове или поеду в Москву. Перед восьмым классом, когда в музыкальной школе настало время определяться с инструментом, один знакомый альтист сказал: «Перейди на альт, у тебя будет больше времени для гитары». Именно такой довод стал тогда для меня решающим.

– В афишах ярославского фестиваля есть и имя вашей дочери – пианистки Ксении Башмет. Как сами вы доказывали стране и всему миру, что альт – солильный инструмент, та грустная история с оптимистическим концом во всех подробностях описана на вашем сайте в Интернете. А как с выбором жанра было у Ксении?

– Мы с женой как-то сразу решили, что учить её музыке не стоит, потому что это сложная жизнь, полная превратностей судьбы. Когда мы наконец-то приобрели квартиру в Москве, предстоял капитальный ремонт. На то авральное время мы отправили совсем ещё маленькую Ксюшу погостить у бабушки во Львове. Когда она месяца через два вернулась, то уже чистенько пела, какие-то детские пьесы играла на рояле. Бабушка не была музыкантом, как ей удалось посвящение пятилетней внучки в искусство – так и остаётся для нас загадкой. Выходит, мало было бабушке меня. Но я тогда подумал: возьми грех на душу, если не отведу дочь в музыкальную школу. Взял за руку и отвёл.

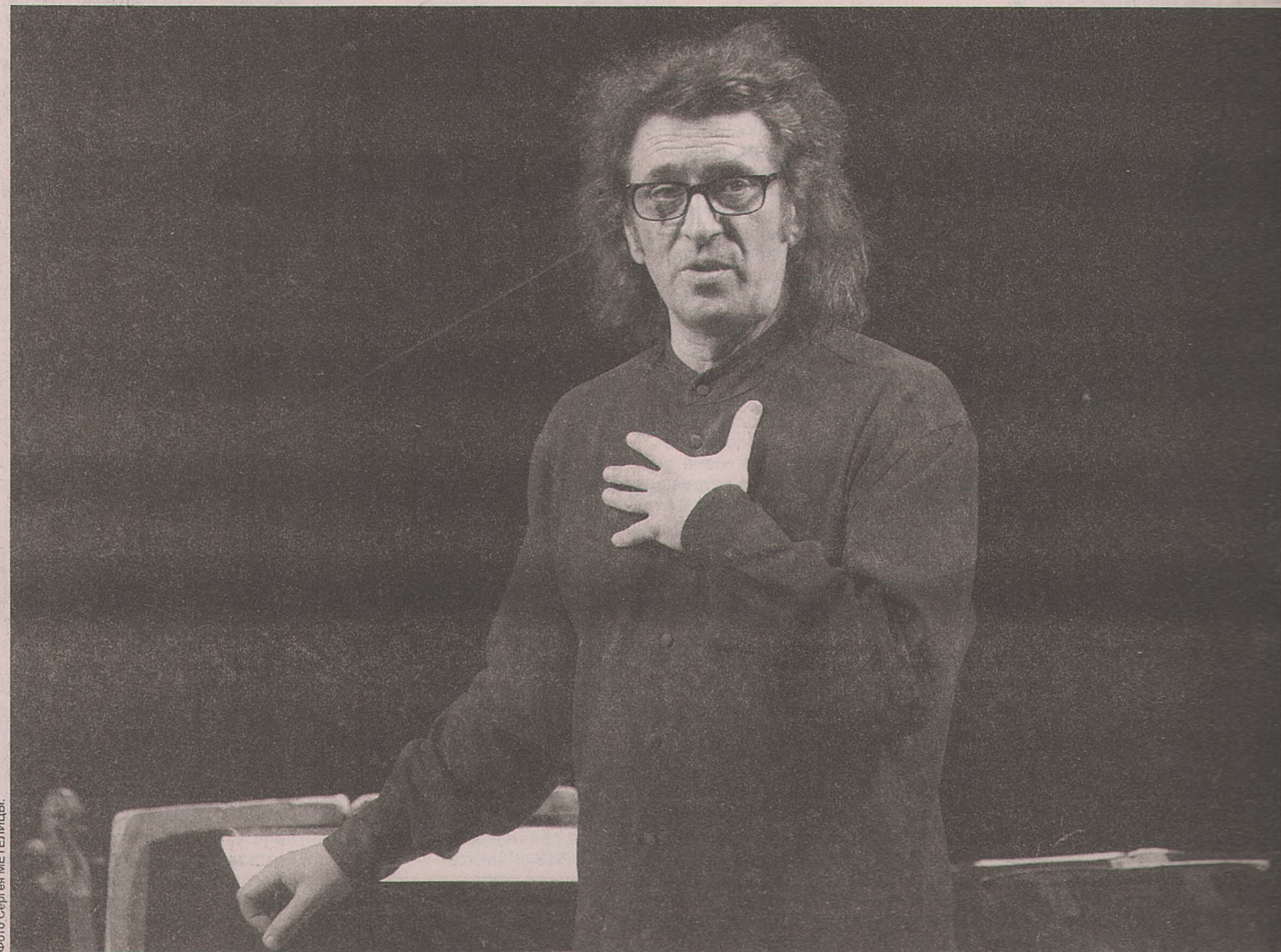

Фото Сергея Метелицы.

– Когда сами вы почувствовали, что музыка у дочери – собственный выбор?

– Сложности возникли в переходном возрасте, где-то с двенадцати до четырнадцати лет. Однажды она захотела со мной «поговорить серьёзно». Тогда-то я и услышал, что Ксения нравится кинорежиссура и музыкой она больше занимается не будет. Не обошлось без влияния её подруги – дочери актёра и сценариста Адабашьяна. Та тоже играла на рояле, но ясно же, какой был в этой семье основной интерес. Я чувствовал: Ксения меня побавляет, ожидая, что буду её ругать. А я просто объяснил – нет таких артистов и режиссёров, чтобы так замечательно играли на рояле. Твоя воля, поступай как знаешь, но всё же ещё раз подумай, стоит ли бросать музыку.

– Когда вы поняли, что – подействовало?

– Буквально на другой день я улетал на гастроли. Под подушкой нашёл записку с просьбой дочери привезти, нет, не

джинсы, а запись сонаты Бетховена в исполнении неподражаемого Глена Гульда. В «заказе» был огромный список нот и записей. Я всё привёз. И больше мы эту проблему не поднимали. Теперь, я думаю, Ксения и сама довольна, что не бросила музыку.

– Программу ярославского фестиваля открывал тридцатилетний венгерский скрипач Кристоф Барати, о чём дарования вы сказали: «Ферическое». На фестивале много молодёжи. Что для вас как артистического директора решает, когда речь заходит о выборе партнёров-исполнителей?

– Кристоф года два назад получил премию на одном из моих фестивалей. Но самое главное для меня в другом. Когда у нас появляется новый солист, мне важно почувствовать, как к нему относятся в оркестре. Ведь не секрет, что любящий скрипач, если он играет с детства, хотел бы стать Ойстрахом. Поэтому к тем, у кого что-то получается, относятся,

скажу помягче, ревностно. А я вижу, что и в ансамбле «Солисты Москвы», и в оркестре «Новая Россия» Барати любят. Порядочность превыше всего, этому не научишь.

– Чем ещё ярославский фестиваль отличается от других?

– Тем, что в его программе так много эксклюзива. Наши ярославские партнёры-единомышленники из департамента культуры и дирекции филармонии вообще считают, что каждый концерт нынешнего фестиваля – эксклюзив, и я готов с ними согласиться. В программе у нас есть вещи уникальные. Ваши читатели наверняка уже знают, что мы придумали сыграть «Евгения Онегина» под открытым небом со стихами Пушкина и музыкой Чайковского. Петь будут оперные певцы и ваша капелла «Ярославия», читать – Олег Меньшиков и Ксения Раппопорт, а играть будет наша «Новая Россия». Постановка – главного режиссёра театра имени Станиславского и Неми-

ровича-Данченко Александра Тителю. «Девушка и смерть» Шуберта в переложении Малера тоже станет премьерой, и не только для нас, но и для артиста Хабенского. На днях в Москве репетировали. И у нас номер неслабый, и Константин читает прозу Камю изумительно. Правда, текста хватает на две части музыки. Но у нас есть ноты всех её четырёх частей, и мы ещё найдём способ доиграть это произведение до конца.

– Может быть, на одном из следующих ярославских фестивалей?

– А что, вполне возможно.

– Нет ли у вас ещё каких-то идей на будущее, если говорить о развитии проекта?

– Если и впредь он будет площадкой для молодых исполнителей, то хотелось бы, чтобы в Ярославле рождались и новые сочинения. Можно даже устроить здесь такой конкурс. А на заключительном концерте в качестве «премии» исполнить лучшие из них.

Юлиан НАДЕЖДИН.